А. В. Мельникова
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620083 Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

Художественное своеобразие «охотничьего нарратива» в русской литературе второй половины XIX – первой трети XX веков

Статья посвящена рассмотрению особенностей «охотничьего нарратива» в русской литературе второй половины XIX – первой трети XX веков, изучению динамики развития, жанровых и стилевых особенностей охотничьего рассказа. Объект анализа – произведения С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, Ф. А. Арсеньева, Е. Э. Дриянского, Д. Н. Мамина–Сибиряка (XIX век), А. И. Куприна, И. А. Бунина, А. П. Чапыгина, М. М. Пришвина, А. Н. Толстого (XX век). Привлечен литературный контекст, связанный с развитием охотничьей темы в так называемой массовой литературе, а также с практически-прикладными функциями охотничьих нарративов. Итогом работы является выявление типологии, отражающей особенности рассматриваемых нарративов

Ключевые слова: тема охоты, русская литература XIX – XX веков, нарратив, типология произведений об охоте

Artistic originality of “hunting narrative” in Russian literature in second half of 19 – first third of 20 centuries

The article is devoted to review of features of «hunting narrative» in Russian literature in second half of 19 – first third of 20 centuries, studying of development’s dynamics, genre and stylistic features of hunting stories. Object of analyses are works of S. T. Aksakov, I. S. Turgenev, F. A. Arsenyev, E. E. Dryansky, D. N. Mamin-Sibiryak (19th century) A. I. Kuprin, I. A. Bunin, A. P. Chapygin, M. M. Prishvin, A. N. Tolstoy (20th century). Attracted literary context is associated with the development of hunting theme in the so-called mass literature, as well as with a practical applied functions of hunting narratives. The result of work is the identification of the typology, which reflects features of considered narratives

Key words: hunting theme, hunting, Russian literature of nineteenth-twentieth centuries, narrative, typology of works about hunting

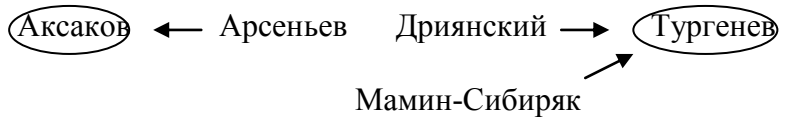
Охотничий рассказ формируется как жанр и приобретает популярность в середине XIX века. Занятие охотой позволяет человеку не отстраненно взирать на красоту природы, а участвовать в ее жизни, быть частью природного целого; по-видимому, этим обстоятельством можно объяснить широкое распространение охотничьей темы в литературе того времени[1].

Требования читателей к художественной стороне охотничьей книги хорошо передал один из рецензентов книги А. М. Венцеславского «Псовая охота вообще» (1849): «По нашему мнению, сочинения об охоте не должны быть ни рядом анекдотов, ни сухим изложением приемов. Пусть изложение будет картинно, но вместе с тем мы хотим видеть искусство и опытность. Такая книга об охоте и научит, и завлечет» [8, с. 302]. На протяжении всего XIX века в отечественной словесности развивается

[1] Современных литературоведческих исследований, обращенных к теме охотничьего нарратива, немного. Примечательна статья М. М. Одесской «“Ружьё и лира”. Охотничий рассказ в русской литературе XIX века» [11]. Также стоит отметить работы О. В. Земляной о «Записках охотника» И. С. Тургенева [6], Т. Л. Селитриной об охотничьем цикле С. Т. Аксакова [17].

именно такая традиция написания охотничьих произведений документального, художественно-энциклопедического характера, составляющая общелитературный и общекультурный контекст охотничьих нарративов С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, Ф. А. Арсеньева, Е. Э. Дриянского и др. Характерные особенности этой традиции выражены, например, в книге Н. А. Основского «Замечания московского охотника на ружейную охоту с легавою собакою» [12]. Книга наглядна, что дает возможность читателю составить визуальное представление о предмете изображения. Повествование носит энциклопедический и практический, прикладной характер, совсем лишенный художественности. Автор же «Записок псового охотника Симбирской губернии», П. М. Мачеварианов [10], наоборот, не только представляет в своей книге практический материал, но и иллюстрирует его «случаем из жизни», при этом отмечаются особенности состояния охотничьего дела в названной губернии. В предисловии к книге «Записки охотника Восточной Сибири» другой автор, А. Черкасов [24], отмечает: «Книжка заключает в себе некоторые замечания, касающиеся собственно технической части охоты, описание различных зверей, обитающих в необъятных степях Восточной Сибири, и некоторые замечания о сибирской природе и охотниках, с их бытом, суевериями и привычками» [24, с. 3]. Здесь автор также не ограничивает свое повествование только практическими сведениями, а включает в ткань текста различные истории: «Передам еще эпизод из рассказа одного достоверного сибирского промышленника; постараюсь сохранить его типическую речь: “Долго я ехал с товарищем по худой ве́ршей (верховой) дороге, в страшной тайге, с Чикойских покатей (Чикой – река в ю.-з. Забайкалье) в самое белковье. Стало уже смеркаться, и до табору было еще дúвно (далеко, много)…”» [24, с. 236]. Таким образом, охотничий дискурс в этих популярных практических руководствах выстраивается по определенным правилам: его обязательными составляющими являются предисловие, где автор говорит о своих намерениях по поводу охоты, материалы иллюстративного характера, сведения об особенностях выбранной местности, быте и способах охоты коренного населения, с помощью чего достигается локальная конкретность повествования, реализуется практическая, рецептурная направленность всего издания, когда автор комментирует охоту как особый вид деятельности, требующий немалых умений.

Некоторые из этих черт определяют повествование и в классических произведениях, оказавших наиболее значительное влияние на развитие охотничьего нарратива в целом. Мы выделяем два полюса охотничьих нарративов, воплотившиеся в текстах С. Т. Аксакова и И. С. Тургенева: природоведческий этнографический очерк и, соответственно, художественный рассказ или очерк, нередко косвенно относящийся к охоте, но сохраняющий образ повествователя-охотника. Тексты провинциальных авторов обычно тяготеют к тому или иному полюсу, из них объектом нашего анализа стали произведения Ф. А. Арсеньева, Е. Э. Дриянского, Д. Н. Мамина-Сибиряка. И если располагать рассматриваемые произведения с опорой на указанную «полюсную» концепцию, то получится следующая схема:

Ярким примером природоведческого текста и в то же время наиболее интересным в ряду охотничьих произведений С. Т. Аксакова являются «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852). В рецензии на них И. С. Тургенев обращал внимание на двойственную природу произведения: «Книгу г. А-ва можно рассматривать с двух точек зрения: с точки зрения охотника и с точки зрения

естествоиспытателя» [19, т. 11, с. 190]. Сам автор характеризовал цикл так: «…книжка моя не трактат о ружейной охоте, не натуральная история всех родов дичи. Моя книжка <…> – записки страстного охотника и наблюдателя» [1, с. 149]. «Записки…» представляют собой совокупность статей, которые тематически сгруппированы и объединены фигурой автора-повествователя, так как Аксаков делится с читателями опытом, полученным в родной Оренбургской губернии. Ретроспективные текстовые вставки, воспоминания о каком-либо охотничьем случае складываются в отдельный сюжет охотничьей жизни рассказывающего, и этот сюжет существует параллельно натуралистическому, естественнонаучному изложению, связанному с описанием животного мира. Говорящий является своего рода связующим звеном, переводчиком между миром человека и зверя, при этом он одинаково связан и с тем и с другим, так как он – охотник. Но все-таки «этнографизм, аналитичность и практическая направленность преобладают над художественностью» в книге [11, с. 244–245].

Рассматривая природоведческую традицию в изображении охоты, стоит вспомнить почти забытого ныне автора – Флегонта Арсеньевича Арсеньева. Его рассказы и очерки, публиковавшиеся в охотничьих журналах, позже вошли в его книгу «Охотничьи рассказы» (1864). Арсеньев также четко формулирует свои цели во вступлении: «Мои охотничьи рассказы не есть руководство для молодых начинающих охотников. Я в них не говорю о технической части охоты, не даю советов. Я излагаю в них мои личные впечатления как охотника, как любителя природы во всех ее проявлениях» [2, с. 3]. В книге представлены связные тексты с сюжетом и героями, описывается также вся техническая часть охоты, но не в энциклопедичной форме, а в виде рассказа о личном опыте. Тем не менее, рассказы Арсеньева все-таки носят во многом практически-прикладной характер, о чем говорит и М. М. Одесская: «В книге <…> проявилась практическая направленность охотничьего повествования» [11, с. 247]. Таково, например, описание рыбной ловли: «Вот пошевелилась леса, потом удилище дрогнуло раз: рыба потянула. Привычною рукой схватывает рыбак удилище и быстро делает подсечку. Тяжело, добыча велика, теперь следует не тянуть рыбу, а водить ее на кругах, поднимая удилище к верху» [2, с. 61]. Автор дает практический совет рыболову, но делает это вполне художественно и красочно. В названиях у Арсеньева присутствует указание на географию места: «Охотничьи рассказы» состоят из циклов «На Шексне» и «В зырянском крае». Второй цикл имеет еще и этнографический характер, так как в нем помещены рассказы о быте зырян, о способах их охоты и рыбной ловли.

Примером текста, относящегося к другой традиции изображения охоты, является знаменитый цикл И. С. Тургенева «Записки охотника» (1852), где перед читателем предстает охотник «странный», «сторонний», дословно – «посторонний» охоте. Ее описания композиционно организуют книгу, но никогда не довлеют над остальным повествованием. Как пишет А. Ю. Сегень, «охота из рассказа в рассказ дается лишь несколькими штришками для затравочки» [16, с. 59]. При этом речь охотника-странствователя обрамляет голоса других персонажей, в ней содержатся важные для восприятия ремарки, охотник обычно принимает непосредственное участие в описываемых событиях и не скрывает своего отношения к ним. Именно взгляд охотника проявлен при восприятии природы в рассказах «Хорь и Калиныч», «Льгов», «Смерть», «Стучит!», в очерке «Лес и степь» рассказчик фиксирует не моменты охоты, а образы, всплывающие в его памяти при упоминании о ней: охотничью поездку на рябчиков, прогулку по утреннему лесу. Данное занятие ассоциируется у него с возможностью духовного общения с природой, для него оно и род деятельности, и занятие, приносящее удовольствие, дающее возможность переживать разнообразные чувства: от восторга до уныния. Природное циклическое время главенствует в книге

И. С. Тургенева, оно же будет явлено и в «Записках мелкотравчатого» Е. Э. Дриянского.

Незаслуженно забытым сегодня остается текст еще одного писателя, тяготеющий к художественной традиции изображения охоты. В 1859 году вышла книга Е. Э. Дриянского «Записки мелкотравчатого». Этот автор обращается к псовой охоте, передает ее древнюю основу: борьба, по сути, разворачивается между представителями животного мира, здесь человек – всего лишь наблюдатель. По мнению П. М. Мачеварианова, «Е. Э. Дриянский в своих прекрасных, живых «Записках…» высказал о псовой охоте во сто раз более, дельнее, чем в руководствах» [10, с. 12]. Автор использует особый язык, знакомый охотникам: «Это была муруго-пегая, чистопсовая собака, рослая, но скамьистая и с коротким щипцем» [4, с. 46] и др. «Записки мелкотравчатого» – занимательный текст, в котором присутствует и сюжет, равный сюжету охоты, и интрига, которая призвана заинтересовать читателя, и множество героев-помещиков. Зрелищным повествование делает сам предмет, стоящий в центре текста, – псовая охота, которая не чужда театральности, так как «работающую стаю гончих можно сравнить с оперой, а борзых – с балетом» [5, с. 519]. Явлены и сами взаимоотношения между охотниками, их разговоры, то есть в текст внесена своеобразная «драматургичность».

К указанной традиции изображения охоты примыкают и рассказы уральского автора Д. Н. Мамина-Сибиряка. Вот как повествователь в рассказе «Зеленые горы» (1891), входящем в автобиографический цикл «Из далекого прошлого» (1902), оценивает это занятие: «Лично я смотрю на охоту только как на средство быть в лесу. Идти в лес так, с голыми руками, не приходится и как-то скучно, а охота является прекрасным предлогом» [9, т. 10, с. 320]. Часто заядлому охотнику становится даже совестно убивать беззащитную тварь, так как такой поступок является «столкновением человека со своей внутренней стихией» [23, с. 422], но при этом герой верен своему выбору, хоть это и ведет часто к негативным последствиям: например, в рассказе «Емеля – охотник» (1884) больной внук Емели, Гришутка, остается почти голодным, а в рассказе «Богач и Еремка» (1904) охотнику приходится добровольно покинуть место сторожа при господских угодьях. Такой акцент во многом соответствует новому взгляду на охоту – как на занятие жестокое и антигуманное; он будет утверждаться в российском обществе на рубеже веков. Наименование «охотник» в художественных произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка также во многом меняет свое первоначальное значение, писатель акцентирует внимание на «природосообразности» этого занятия, а не на том, что человек охотится за дичью. Именно таким «охотником» является Николай Матвеич, герой рассказа «Зеленые горы» (1891) – настоящий «природолюбец»: «…мы любили поохотиться со стариком, который в лесу был совсем другим человеком, вернее сказать, – самим собой он делался только в лесу. Самое главное, что привлекало нас в нем – было необыкновенно развитое «чувство природы». <…> У него были тысячи знакомых молодых деревьев, которым он спас тем или другим образом жизнь. Он заходил навестить их, как своих воспитанников, и торжествующе любовался» [9, т. 10, с. 323].

К концу XIX века жанр охотничьего рассказа и цикла меняется, сама охота начинает пониматься иначе. На рубеже веков появляются работы, резко осуждающие это занятие[2]. Не стоит забывать также, что всегда существовала так называемая промысловая охота, о которой раньше в литературе почти не упоминалось. Все эти изменения приводят к тому, что произведения писателей XX века складываются в иную систему, не схожую с выделенной нами при рассмотрении текстов XIX века. Их

[2] Наиболее показательна книга В. Г. Черткова «Злая забава» (1893) [22].

целесообразнее объединить по типу пафоса: ностальгическое изображение (А. И. Куприн, И. А. Бунин), практическо-прагматическое (А. П. Чапыгин), эмоционально-экспрессивное (М. М. Пришвин, А. Н. Толстой).

Ностальгические интонации определили рассказ Бунина начала века. Как приметы былой жизни встают в памяти героя рассказа «Антоновские яблоки» (1900) и сцены больших дворянских охот. Как будто традиционна и неизменна эта помещичья забава, но на самом деле автор ненавязчиво акцентирует внимание на том, что и она поменялась. После той, давней охоты, оставался матерый волк, который, «оскалив зубы, закатив глаза, лежит с откинутым на сторону пушистым хвостом среди залы…» [3, т. 5, с. 159]. Теперь лишь «бледный свет раннего ноябрьского утра озаряет простой кабинет, желтые и заскорузлые шкурки лисиц над кроватью...» [3, т. 5, с. 167]. Связан с охотничьей темой и рассказ И. А. Бунина «Ловчий» (1946), написанный значительно позже, когда писатель был уже в эмиграции. Весь текст представляет собой разговор барчука и старого ловчего Леонтия – представителей разных поколений, разных сословий. С сожалением старику вспоминается былое время: « – Да, барчук, не всегда я так лежал. Я у вашего дедушки ловчим был, стаей правил. – Стаей собак? – Так точно <…>» [3, т. 7, с. 323]. Между участниками разговора скоро возникает непонимание, отчасти это связано с разницей в возрасте, но в большинстве случаев – это утрата представителем другого поколения языковых знаний, связанных с охотой: « – Как из гнезда? – А это всегда так, сударь, говорилось: <…> из какой фамилии, значит. – А как еще говорилось? – А мало ли как. Теперь так уж не могут говорить …» [3, т. 7, с. 324]. Казалось бы, мальчик проявляет живой интерес, любопытство в отношении теперь уже диковинного для него занятия, но в финале – «…вдруг становилось скучно <…> я начинал вертеться, уже плохо слушал и под каким-нибудь предлогом ускользал из избы…» [3, т. 7, с. 329].

Охотничьей темы А. И. Куприн касается уже в раннем творчестве («Олеся», «Лесная глушь» (1898), «На глухарей» (1906), «Зачарованный глухарь» (1912), «Скворцы» (1916)). Занятие охотой трактуется им как способ приблизиться к другому миру, что также характерно для некоторых охотничьих текстов XIX века. Вновь перед нами «странный» охотник. В эмигрантский период творчества А. И. Куприн продолжает писать произведения, связанные с охотой. Во многих рассказах Куприна этого периода обнаруживает себя и мотив ностальгии. Таков рассказ «Завирайка», опубликованный в Париже в 1928 году, воссоздающий реальную атмосферу жизни писателя в прежние годы: «Это было не только до эмиграции, но даже до революции …» [7, т. 7, с. 443]. Текст практически полностью посвящен главному другу охотника: «Что охота без гончей? Да, я знаю, есть любители «тропить» зайца. Но так охотятся – шкурятники. У них много терпения, но вдохновения и поэзии ни на грош» [7, т. 7, с. 445]. Эта фраза подтверждает тезис о том, что охота – это приближение к природе, а не расчетливое занятие алчных людей. Например, в одном из рассказов охотник просыпается под деревом и не может убить глухаря, потому что тот спал на том же дереве («Ночь в лесу», 1931). Возникшее единство природы и человека нельзя нарушить предательским выстрелом.

Меняется время, меняется способ изображения: на смену классической дворянской охоте приходит «охота-промысел». Изменяется также точка зрения: вместо так называемой «внутренней» появляется точка зрения «извне», при которой повествовательная инстанция обладает всеведением и находится за рамками текста.

Практически-прагматическое изображение охоты наблюдаем в творчестве Алексея Павловича Чапыгина (20-е годы XX века). Его рассказы «Лесной пестун» (1911), «Послуга» (1914), «Бегун» (1916) и другие вместе с более поздними произведениями составили сборник охотничьих рассказов «По звериной тропе» (1918).

Здесь перед нами – мир северной деревни, красота таежных уголков, своеобразие охотничьего *промысла* в лесах «озерного края» (Олонецкая губерния). В центре внимания автора находится охотник-промысловик, который кормит семью с помощью своего занятия. Такое понимание охоты расставляет несколько другие акценты, чем в охотничьей литературе XIX века: промысловик во что бы то ни стало должен принести добычу в дом, иначе его семью ждет голод. Почти в каждом рассказе показано противостояние природы и человека, при этом часто человек не выдерживает такой борьбы и погибает. Охота представляется в сборнике как равная борьба за жизнь человека и зверя. Попадая в знакомый, но на самом деле таинственный и непознанный мир леса, человек становится уязвим. Здесь смерть настигает любого – и молодого сильного охотника («По следу»), и старика («Последняя лешня»), причиной может стать и нечистая сила («Лесной пестун»), и мороз («Белая равнина»), и само животное, на которое охотились («Люди с озер»). При этом природный мир редко бывает несправедлив к охотнику – обычно умирает тот, кто живет «не по совести». К примеру, в рассказе «Люди с озер» старик Парамоныч, обладающий практическим умом, ловкостью, хитростью, приспособившийся к советскому порядку жизни, обманывает других охотников: старик идет за «чужим медведем». В финале его загрызает медведица. Похожая ситуация описана и в рассказе «Лесной пестун».

С середины 1920-х годов ситуация в отечественной охотничьей литературе вновь меняется. Появляется множество альманахов и сборников: «Охота и охотник» (1925), «Охотничий рог» (1925), «Охота в русской художественной литературе» (1927), «Охотничье сердце» (1927), «Звериной тропою» (1927), «По полям и лесам» (1937) – это свидетельствует о возросшем интересе к жанру.

Традиции охотничьей литературы прошлого века начинают возрождаться в творчестве М. М. Пришвина. О связи его с «Записками охотника» И. С. Тургенева пишет Т. М. Рудашевская: «Наследование Пришвиным традиций Тургенева прослеживается на широком фоне проблемно-тематических связей» [15, с. 106]. Но все-таки к тургеневскому пониманию охоты как занятия, которое «сближает нас с природой, приручает нас к терпению» [19, т. 5, с. 421], Пришвин добавил свое: «Охота представлялась ему такой же тайной как вдохновение или творчество» [15, с. 131]. Сам Пришвин в рассказе «Охота за счастьем» (1926) писал: «Есть охотники-промышленники, есть браконьеры, есть охотники-спортсмены, есть любители бродить с ружьем в свободное время, так называемые п о э т ы в д у ш е, и множество других типов этого рода общения с природой. Охотники, зараженные этой страстью так, что она держит их до самой смерти, бывают только из особенных людей <…> это инстинкт дикаря, продолжающий обитать в душе цивилизованного человека» [14, с. 31]. Однако отношение писателя к охоте не так просто, как может показаться: «иногда мне кажется, что это чувство питается одновременным стремлением к убийству и любви» [13, с. 28]. При всем этом охота в изображении Пришвина – это еще и способ «прокормиться», что в то же время существенно отличает его рассказы от традиции изображения охоты XIX века. Например, в «Рассказах егеря Михал Михалыча» читаем: «Однажды я очень неудачно охотился. Было совестно перед хозяйкой возвращаться домой без дичи. А главное, в деревне в это время не только мяса, но и хлеба трудно достать, что убьешь, тем и прокормишься» [13, с. 107].

Еще один текст, относящийся к эмоционально-экспрессивному изображению охоты, – очерк А. Н. Толстого «Из охотничьего дневника» (1929). В пространстве произведения отчетливо прослеживается оппозиция «прежде-теперь»: «Время заповедного Урала ушло безвозвратно» [18, т. 6, с. 374]. Эта же оппозиция в несколько другом аспекте проявляется и в отношении охоты: «…цивилизация задела в нас только корочку, а сердцевиной мы еще дикари. К охоте нас влечет не спорт, а первобытная

свобода. У костра под звездами мы возвращаемся на прародину, сердце, уставшее от напряжения, прижимается к величественному покою земли. Мы переводим дух» [18, т. 6, с. 380]. Такое понимание охоты во многом сближает Толстого с Пришвиным. Действительно, охота для Толстого есть приближение к первоосновам жизни, вот почему в его очерке мы видим «охотничью экспедицию» в столкновении с дикой природой, с местным коренным населением, живущим по своим древним традициям. Само появление у А. Н. Толстого охотничьего жанра путевых заметок – дань традиции. Повествователь описывает охоту восторженно: «Я почувствовал: удивительнее во всем этом был прыжок из современного города в глухую глубь тысячелетий – как на «машине времени» Уэллса» [18, т. 6, с. 385]. Всех участников охотничьей экспедиции охватывает чувство первооткрывателя: они блуждают в глухих зарослях, останавливаются на нетронутых островах – и такая деятельность для них необычна и нова, она меняет их личность: «Этот молодой человек дичал с такой поразительной быстротой, что было жутко подумать: черт возьми, далеко ли мы отошли от каменного века, если консультант-сценарист <…> в несколько дней обвихрел по-беспризорному, и вблизи весь он как бы пахнет мамонтовой шерстью» [18, т. 6, с. 377]. Текст Толстого необычайно динамичен, и несмотря на то, что по объему очерк невелик, автор вмещает в него рассказ обо всем маршруте охоты.

Итак, тема охоты, выступавшая своего рода отличительным знаком литературы классического реализма XIX века, не умирает и в XX веке, но переживает вполне естественную эволюцию. В 1930-е годы к ней обращаются не самые ангажированные временем писатели – те, кого можно назвать «обломками старого времени». Но и для них охота является занятием во многом экзотическим – пример такого рода мы наблюдаем у А. Н. Толстого. Охотничья тематика активизируется и в специализированных сборниках и альманахах XX века, напоминающих типы энциклопедических и познавательных изданий прошлой эпохи. Противоположный полюс составляют произведения А. П. Чапыгина, показывающие промысловую охоту и в этом отношении восполняющие «нишу» охотничьей литературы XIX века, когда охота оценивалась в основном как забава и как способ общения с природой. Особый характер изображения охоты наблюдаем у М. М. Пришвина: он синтезировал разные принципы, и для него охота была и модусом свободы, и способом общения с природой, с народом, и почвой его философствования.

Список использованной литературы

1. *Аксаков С. Т.* Охота пуще неволи. – Киев: Днипро, 1991. 592 с.
2. *Арсеньев Ф. А.* Охотничьи рассказы.– М.: Издание Н. Макшеева, 1885. 386 с.
3. *Бунин И. А.* Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1966.
4. *Дриянский Е. Э.* Записки мелкотравчатого. – М.: Советская Россия, 1985. 208 с.
5. *Егоров О. А.* Очерк истории Русской псовой охоты (XV-XVIII вв.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 664 с.
6. *Земляная О. В.* И. С. Тургенев об особенностях национальной охоты // Звезда. – 1998. № 10. С. 150-155.
7. *Куприн А. И.* Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1970.
8. Лесной журнал. 1850. № 4. С. 300-312.
9. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собр. соч.: в 10 т. – М.: Издательство «Правда», 1958.
10. *Мачеварианов П. М.* Записки псового охотника Симбирской губернии. – М.: Типография А. Торлецкого и М. Терехова, 1876. 144 с.
11. *Одесская М. М.* Ружьё и лира. Охотничий рассказ в русской литературе XIX в // Вопросы литературы. 1998. №3. С. 239-252.

12. *Основский Н. А.* Замечания московского охотника на ружейную охоту с легавою собакой. – М.: Тип. ведомостей московской городской полиции, 1856. 228с.
13. *Пришвин М. М.* Записки охотника. – М.-Л.: Молодая гвардия, 1932. 304 с.
14. *Пришвин М. М.* Охота за счастьем. – М.: Московское товарищество писателей, 1933. 336 с.
15. *Рудашевская Т. М.* М. М. Пришвин и русская классика. Фацелия. Осударева дорога. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 258 с.
16. *Сегень А. Ю.* Национальные особенности тургеневской охоты: К 150-летию выхода «Записок охотника» // Наш современник. 2002. № 8. С.57- 62.
17. *Селитрина Т. Л.* Судьба древней мифологии в национальных литературах. «Охотничий цикл» С.Т. Аксакова // Вестник ВЭГУ. 2007. № 29-30. С. 123-132.
18. *Толстой А. Н.* Собр. соч.: в 15 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1946-1953.
19. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. – М-Л.: Художественная литература, 1965.
20. *Чапыгин А. П.* По звериной тропе. – Л.-М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1932. 260 с.
21. *Черкасов А.* Записки охотника Восточной Сибири. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1884. 680 с.
22. *Чертков В. Г.* Злая забава. Мысли об охоте. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. 34 с.
23. *Якимова Л. П.* Рассказы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. «В худых душах» и «Все мы хлеб едим» // Литература Урала: история и современность: Национальные образы мира в региональной проекции / – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. Вып. 5. С. 422 – 436.